

Первая книга о великом геополитике

В марте 2014 года исполнилось пять лет, как не стало выдающегося политического мыслителя Вадима Леонидовича Цымбурского, рано ушедшего из жизни. Шаги по систематическому изучению его творческого наследия уже предпринимаются. Среди таких шагов – монография политолога Бориса Вадимовича Межуева, вышедшая в конце 2012 года в издательстве «Европа» [1]. Книга по-своему уникальна: у нас почти нет монографических исследований, посвященных современным политическим мыслителям, деятелям политологической науки. Это отмечал и сам Б.В. Межуев.

Причин этому много. Незначительная удаленность во времени. Возможно, чрезмерная политизированность науки, когда того или иного мыслителя оценивают только на основании «правильности» его политических предпочтений. Чтобы писать о том или ином мыслителе, нужно иметь свою концепцию, систему идей, но с этим, по всей видимости, в политологическом сообществе непросто. И потому можно согласиться с мнением С.В. Хатунцева, что книга Межуева – «пионерская» [5, с. 155].

В.Л. Цымбурский – человек, оказавшийся после крушения СССР в чуждом ему мире, «в котором роль интеллектуала оказалась сниженной до минимума» [1, с. 9]. Ученый бросает вызов обстоятельствам и начинает поиск выхода из ситуации – выхода для страны.

Яркость, многогранность В.Л. Цымбурского состояла еще и в том, что его нельзя было назвать либо геополитиком, либо филологом. Его творчество гораздо шире, оно включало в себя историософию, философию культуры [1, с. 13]. По неординарности и многоплановости наследия В.Л. Цымбурского можно отнести к типу русских мыслителей второй половины XIX – начала XX века, творчество которых не вмещалось в рамки определенной дисциплины (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев).

Еще одна оригинальная черта героя книги – «островитянство», вытекающее из его концепции «Острова Россия» как особого мира, огражденного от иных культур поясом лимитрофов (пограничных зон). Образ России, укрывшейся от всего мира за такими лимитрофами, не мог понравиться ни тем, кто стремился в «общечеловеческую цивилизацию», ни сторонникам воссоздания империи. В.Л. Цымбурский пришел к концепции «Острова Россия» через осмысление трагедии 1991 года. Осознав неорганичность, неестественность «имперства», Россия, по мысли Цымбурского, сама сбросила с себя груз контроля над «лимитрофными» землями [1, с. 14]. Оригинален и одинок мыслитель был и со своим тезисом об имперстве как продукте российского европеизма [1, с. 14].

Харин Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Кировского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: LHarin@yandex.ru

Мы знаем больше о творчестве В.Л. Цымбурского в 1990–2000-х годах, и потому интересно прочесть о его более ранних работах, когда формировались основные представления и интересы героя монографии. Рассматривая творчество мыслителя в позднесоветский период, Б.В. Межуев характеризует его взгляды как «либеральный империализм»: выступая за сохранение страны, Цымбурский допускал вместе с тем и реформирование СССР.

В биографии своего героя Б.В. Межуев указывает и на оттенки идейно-политической мысли последних лет существования СССР, в чем также состоит важное значение книги: через идеи, мысли того времени можно частично понять происшедшую трагедию.

Подробно биограф Цымбурского останавливается на взаимоотношениях между СССР и США в 1988–1991 годах. Автор полагает, что мир, формировавшийся тогда, вполне мог стать «глобальным» в смысле утверждения общепринятых правил и норм, а не только развития транснациональной экономики и экспансии доллара [1, с. 25]. Сверхдержавы могли бы объединить усилия по решению многих вопросов, и система международных отношений была бы более стабильной [1, с. 28]. Но автор признаёт, что такой мир был бы трудным для политического существования. Далее Б.В. Межуев анализирует причины, по которым такой порядок не состоялся.

Идеи В.Л. Цымбурского тех лет рассматриваются Б.В. Межуевым в контексте складывающегося миропорядка. Ученый видел угрозу возникающему миропорядку в «бесе национализма», угрожавшем в первую очередь СССР. Соответственно, Цымбурский пытался соединить либеральный индивидуализм как первопринцип и конечную цель восстанавливаемого миропорядка с имперской жесткостью, необходимой для его защиты [1, с. 39].

Не обходит вниманием Б.В. Межуев и обращение своего героя к системе Меттерниха и к дипломатии Киссинджера, останавливаясь и на интересе мыслителя к Древнему Востоку XIII века до н. э. Любопытны параллели между мировой системой Древнего Востока и международными отношениями конца XX века [1, с. 49–55]. Следует напомнить, что начинал свою научную карьеру Цымбурский как специалист по Восточному Средиземноморью рубежа II–I тысячелетий до н. э. Что же побудило его обратиться к практике Меттерниха и Киссинджера? Цымбурского, как и Киссинджера, всё более привлекала Венская система международных отношений (1815–1914), одним из создателей которой был австрийский дипломат Клеменс Меттерних. В числе главных конструкторов системы был так называемый Священный Союз, созданный ведущими европейскими державами для поддержания порядка.

Эта система, особенно в интерпретации Г. Киссинджера, была в тот исторический момент образцом для Цымбурского. Мыслитель надеялся, что в конце 1980-х годов можно вновь утвердить подобный «Священный Союз» на базе либеральных норм (союз США и СССР, названный им Демократическим Севером). Такой союз и должен был противостоять «бесу национализма» [1, с. 48–49].

У Цымбурского был еще один образец при конструировании современной системы международных отношений. Это – миропорядок XIII века до н. э. в Восточном Средиземноморье [1, с. 49]. Между ведущими державами – Аххиявой, Хеттским царством и Египтом – тоже возникла своеобразная «разрядка». Позднее мыслитель указывал: как крушение Аххиявы в древности, так и гибель СССР привели к хаотизации международных отношений [1, с. 54].

Занимаясь имперской тематикой, В.Л. Цымбурский и его коллеги стремились доказать необходимость сохранения СССР, апеллируя к западной традиции с ее «законностью» и «правом», обращались к опыту Рима [1, с. 59]. Цымбурский также был творцом определенной программы, нацеленной не просто на политическое сохранение советской империи, но и на ее духовное преоб-

разование [1, с. 61]. И хотя его статьи того времени носили преимущественно публицистический характер, именно они определили новое направление его исследований [1, с. 60].

Крах советского общества стал для В.Л. Цымбурского переломным моментом, приведшим его к потере своеобразных опорных точек, а также к отходу от «либерал-империализма». Ученый осознал, что время торжества глобализма и культурного универсализма прошло [1, с. 79]. Это и предопределило будущее направление его работы. Б.В. Межуев показывает, как происходил интеллектуальный поиск героя книги, как уточнялись его взгляды, подробно останавливается на причинах, приведших Цымбурского к отходу от западничества [1, с. 86–92]. Интересно сопоставление В.Л. Цымбурского с И. Валлерстайном: оба рассматривали отказ СССР от своей сферы влияния как разумный тактический ход [1, с. 83–84].

Анализируя взгляды В.Л. Цымбурского 1990-х годов, периода его «прощания» с идеей «либеральной империи», автор монографии приходит к выводу, что мыслитель в своих работах фактически предопределил внешнеполитический курс современного российского руководства [1, с. 92]. Речь идет о сотрудничестве с Китаем в рамках ШОС.

Б.В. Межуев останавливается подробно и на поиске Цымбурским своего места в общественной жизни страны того времени, а также на поиске им в 1990-х годах выходов для России [1, с. 93–123]. Красноречиво и точно описав обстановку в стране к середине 1990-х годов, автор показывает, как его герой искал выход из этой критической ситуации. Межуев справедливо считает, что только с 1994 года эксперты стали всерьез размышлять о стране, в которой они живут [1, с. 98], и это неудивительно, так как первое время все пребывали в шоке после крушения Большой России (СССР). Межуев обрисовывает оттенки мысли своего героя, его концепции «Острова Россия»: уход России из мира, из истории, из Европы, сосредоточение на внутреннем развитии, на освоении «трудных пространств», на созидании национального государства и национального рынка [1, с. 101]. Несмотря на критику западничества, на отождествление Цымбурским имперства и либерализма, его концепция подкупала многовариантностью: «и либерал, и славянофил могли найти в этой идее что-то свое» [1, с. 104], но фактически не поняли этого.

Именно «островная теория» первой объяснила, что представляла собой новая Россия, создававшая пространство для диалога между разными силами. В этом, безусловно, заслуга В.Л. Цымбурского. Данная концепция могла оказаться противовесом «крайностям фашизоидной мобилизации» и «компрадорского разложения» [1, с. 104–105].

В 1994–1995 годах Цымбурский всё более уходит в теорию, старается разъяснять отдельные компоненты своей теоретической структуры, работает над такими категориями, как цивилизация [1, с. 110] и геополитика [1, с. 120]. Это время становится поворотным для ученого. Показывает Межуев и свои взаимоотношения с Цымбурским в этот период, теоретические разногласия с ним.

По мнению автора книги, новая версия «Острова Россия» (примерно 1995 год) многое потеряла [1, с. 107], оказавшись переосмысленной в духе идеи «цивилизационного эгоизма»: мы – основное человечество, а весь остальной мир – источник наших проблем [1, с. 101]. Ученый начал заходить в логический тупик, увлекшись цивилизационной геополитикой. Согласно схеме В.Л. Цымбурского, единственным подтверждением «цивилизационного статуса» России являлась власть над лимитрофными землями. Раз Россия теряла контроль над данными территориями, она утрачивала право считаться цивилизацией [1, с. 111]. Это привело к частичному переосмыслению мыслителем своей теории и понятия цивилизации [1, с. 117–118].

В конце 1990-х годов ученый всё более склоняется к исследованиям в области геополитики, а также хронополитики [1, с. 123]. Одновременно налаживается его взаимодействие с «молодыми консерваторами» [1, с. 124–140]. Продуктивным видит Межуев обращение Цымбурского к хронополитике¹, что должно было вывести мыслителя на новый уровень. Тем более что и геополитика в последних его работах занимает второстепенное, прикладное значение [1, с. 140–141].

Последнюю главу биограф начинает с разбора вышедшего в 2007 году сборника статей В.Л. Цымбурского. Вновь, как и в предыдущих разделах, Межуев обращается к «островной» концепции своего героя. Теория «острова» мыслится Межуевым как оппозиционная ельцинскому режиму, не имевшему представления о своей стране и стоящих перед нею задачах [1, с. 142]. Для правящей элиты «сброс» территорий означал вхождение в «общечеловеческую» (евроатлантическую) цивилизацию. Цымбурский это понимал именно как отдаление от Европы поясом пограничных земель-лимитрофов и концентрацию внимания на внутренних проблемах. В числе внутренних задач, стоявших перед страной, ученый даже видел перенос столицы в Сибирь [1, с. 143].

Но мыслитель выступал не только в качестве критика правящей элиты. Интересна мысль Б.В. Межуева о том, что цивилизационная геополитика Цымбурского обрела всё большую социальную направленность. Геополитик выступал в роли защитника «человека глубинки, жителя маленького города, которого психологически, экономически, да почти что и физически уничтожает открывшийся для глобальной информационной деревни и закрывшийся для своей собственной страны мегаполис» [1, с. 144]. Это именно глубинная Россия. Не Россия отдельных регионов, и не Россия-Евразия, стремящаяся вновь на Запад. А именно Россия-остров, сознающая и, добавим, сохраняющая свою цивилизационную уникальность [1, с. 144].

В «нулевых» меняется ситуация в стране. Были расставлены иные акценты в идеологии, во внешней (и не только) политике. В оппозиции оказались вчерашние идейные оппоненты Цымбурского [1, с. 144]. Только болезнь и связанные с ней обстоятельства избавили его от сложного выбора в пользу или против власти [1, с. 146].

Не став оппозиционером, он не превратился и в конформиста. Но «язык геополитики» уже не подходил для описания существующей реальности. Кроме того, Цымбурский не видел и конкретной политической альтернативы существующему в России положению вещей. Это постепенно привело его к отдалению от геополитики. Его всё более стали занимать размышления о своем времени [1, с. 147], попытки раскрыть тот глубинный конфликт, который составляет основной смысл текущего периода отечественной истории [1, с. 123].

Подробно в связи с этим Межуев останавливается на рассуждениях своего героя о Реформации и Контрреформации. В России своеобразной Реформацией стал большевизм. Теперь страну, по логике вещей, ждет Контрреформация. Но какой ей быть? «Петербургской» (то есть либерально-западнической)? Или Контрреформацией глубинки? [1, с. 150–151].

Большое место в «хронополитической» главе уделено теме «Цымбурский и Шпенглер». Немецкий философ интересовал его в первую очередь как автор второго тома «Заката Европы» и как создатель оригинальной социологической концепции развития обществ, альтернативной марксизму и либерализму [1, с. 152–154].

Интересно рассмотрение Межуевым томов «Заката Европы» как двух интеллектуальных романов [1, с. 155]. Совершенно оправданно биограф Цымбур-

¹ Хронополитика – комплекс исследований, посвященных неоднородности исторического и политического времени.

ского останавливается на втором, менее известном у нас томе «Заката Европы», размышляя о взглядах Шпенглера в контексте современной мировой политики [1, с. 167–171].

Интересны рассуждения Б.В. Межуева о роли интеллектуалов в СССР и в современной России, а также о соотношении «партии жизни» и «партии ценностей», о возможной Контрреформации в России [1, с. 170–185]. Именно из-за неудачи «Реформации» в России и должна наступить Контрреформация. Поэтому «Остров Россия» выступает не только в качестве геополитической концепции, но и возможного лозунга российского контрреформационного движения «Городского класса».

Подводя итоги творчества Цымбурского, Межуев указывает на то, что предельная задача мыслителя как политолога состояла именно в попытке возвращения «ценностям» их господствующего положения над «фактами», над «данностями» в условиях краха социалистической идеократии [1, с. 195]. Ученый оказался в парадоксальной ситуации: человек, бывший фактически политическим маргиналом и осознававший себя таковым в мире девяностых, смог обнаружить смысл и предназначение существования России [1, с. 196], вытекающие из ее «островного» характера. Если поколение мыслителей начала XX века оказалось проигравшим, то Цымбурский смог почти в полном одиночестве пробиться к той реальности, в которой идеи и жизнь соединяются в единое целое [1, с. 199].

Книга Б.В. Межуева о Вадиме Леонидовиче Цымбурском состоялась. Монография, несмотря на ее ограниченный объем, является познавательной, содержит много интересных материалов о жизни и творчестве великого ученого, освещающая основные этапы его биографии, в том числе интеллектуальной. Книга читается легко, интересно.

Украшают монографию личные воспоминания автора о Цымбурском, а также краткие очерки о людях, которые оказывали на него влияние (Г. Киссинджер и др.) или с которыми он общался (М.В. Ремизов и др.). Показаны непростые взаимоотношения Цымбурского с политологическим сообществом в начале «нулевых». Несмотря на заметное уважение автора книги к своему герою, в монографии преобладает взвешенный, критический подход, порой полемика с ним.

Со многими выводами и наблюдениями можно согласиться, особенно в главном: Цымбурский – выдающийся мыслитель, политический философ, сумевший дать описание постсоветской России, создать ее геополитическую модель (концепция «Остров Россия»). Многие его мысли, идеи звучат актуально и для нашего времени.

Он также оказался у истоков современной российской цивилизационной геополитики. Мы в рамках цивилизационной парадигмы выделяем минимум три главных подхода к определению категории «цивилизация» в геополитике [3]. Это «ценностный» (А.Г. Дугин и др.), берущий за основу цивилизации ценности. Он считается наиболее распространенным. «Территориальный» (С.В. Хатунцев), маркирующий цивилизации по территориальному признаку. В.Л. Цымбурский был создателем «этнологической» трактовки¹. Она отождествляет цивилизации с народами и считает, что цивилизационная геополитика должна, в первую очередь, рассматривать взаимоотношения ядра и народов периферии [7, с. 56]. Кроме того, как и указано в книге, Цымбурский стал одним из разработчиков теории Великого Лимитрофа (наряду с Хатунцевым).

Б.В. Межуев справедливо сопоставляет В.Л. Цымбурского с русскими философами начала XX века.

¹ Как нам представляется, теория Л.Н. Гумилева имеет мало общего с геополитикой, она более близка к этнологии.

Вместе с тем, «советский» период творчества Цымбурского, на наш взгляд, разобран более обстоятельно, нежели 1990-е годы. Отдельные сюжеты позднего творчества ученого можно было осветить подробнее. Например, диалог между Цымбурским и Хатунцевым по поводу лимитрофных зон, критику мыслителем теории «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, оценку геополитиком творчества Л.Н. Гумилева, полемику с евразийством, размышления о переносе столицы в Сибирь. Таким образом, в книге подробно исследованы лишь отдельные аспекты творческого наследия мыслителя [5, с. 159].

Ряд положений вызывает споры. Например, тезис Б.В. Межуева о возможности советско-американского союза на рубеже 1980–1990-х годов Речь тогда шла не о равноправном союзе двух супердержав, а о постепенной сдаче позиций внутренне слабеющим Советским Союзом.

Дискуссионен и тезис Межуева о том, что российское руководство со второй половины «нулевых» годов осуществляет ту политику, которую предвидел В.Л. Цымбурский. А вот евразийцы могли бы сказать, что российская власть в последние годы стала проводить именно их политику. Вопрос об идейных истоках современной внешней политики является сложным и требует специального исследования.

Вызывает возражения и одна из идей В.Л. Цымбурского. Ученый видел перед собой две альтернативы: 1) признать всё случившееся с Россией в 1990-х годах непоправимой катастрофой, обусловленной ее неспособностью справиться с внутренними и внешними вызовами; 2) признать, что Россия перестала быть империей добровольно, сбросив с себя пограничные территории, предоставив чуждый для нее мир своей судьбе. Б.В. Межуев склонен здесь видеть единственно спасительное для русской историософии предположение [1, с. 83].

На наш взгляд, в данной ситуации В.Л. Цымбурский категорически не прав. Какими «чуждыми территориями» для России являются Украина и Белоруссия, развивавшиеся тысячу лет вместе? И почему тогда, например, Китай в предчувствии распада существующего мирового порядка не сбросил с себя свои «лишние» территории – Синьцзян, Тибет?

Увы, идея В.Л. Цымбурского – это не «спасительное решение». Данным тезисом он сам бессознательно уводит от главной причины совершившейся трагедии. «Большая Россия» (СССР) была уничтожена разложившейся элитой, стремившейся сломить существующий социально-политический строй. Непонимание, игнорирование этого урока чревато бедами в будущем. Тем более что сам Цымбурский много пишет о негативных вариантах Контрреформации.

Распад «Большой России» породил дезинтеграционные процессы на всем постсоветском пространстве, угрожающие и самой России. В такой ситуации губительно закрываться от других цивилизаций лимитрофным поясом. Необходим интеграционный проект, но не на имперской (чего так опасался Цымбурский), а на цивилизационной основе [4]. Первый все-таки предполагает большую политическую централизацию (поэтому и слово «империя» может вызвать отторжение у постсоветских элит, привыкших к собственному суверенитету за двадцать лет). Второй преимущественно строится на культурной основе. Россия может создать свое цивилизационное пространство, предложив соответствующий проект [см.: 2]. Иначе осколки некогда единого государства будут втянуты в орбиты влияния других центров силы, цивилизаций.

Можно спорить и по иным моментам цивилизационной концепции В.Л. Цымбурского. Он оградил Великим Лимитрофом только Россию, указав, что в этом своеобразие нашей цивилизации. Однако все цивилизации окружены такими территориями [6, с. 86–89]. Многие идеи ученого вызывают полемику, но это не отменяет значения его трудов. Творческое наследие рано ушедше-

го из жизни мыслителя нуждается в дальнейшем изучении, чему способствует и рецензируемая монография.

В целом же Б.В. Межуеву удалось создать интеллектуальную биографию мыслителя, показать значение его работ, обозначить основные вехи творчества и главные идеи. Это – первая книга о В.Л. Цымбурском, а «первопроходец» всегда находится в невыгодном положении, так как его нередко оценивают не по тому, что он сделал, а по тому, что не сделал. Книгу Межуева надо оценивать именно как пионерский труд и судить по результатам.

Теперь, отталкиваясь от этой книги и трудов самого Цымбурского, можно идти дальше к осмыслению наследия мыслителя. Тем более что и сам Б.В. Межуев не останавливается на достигнутом, а работает над расшифровкой диссертации В.Л. Цымбурского, подготовкой к изданию других работ философа. И остается пожелать ему удачи в этом труде.

Литература

1. *Межуев Б.В.* Политическая критика Вадима Цымбурского. М.: Европа, 2012.
2. *Харин А.Н.* К вопросу о формировании цивилизационного пространства России // *Власть*. 2011. № 12. С. 126–129.
3. *Харин А.Н.* Цивилизационный подход в современной российской философии геополитики: основные направления и проблемы // *Геополитика и безопасность*. 2013. № 1. С. 58–63.
4. *Харин А.Н.* Эволюционные модели государства постмодерна // *Свободная мысль*. 2012. № 11–12. С. 91–102.
5. *Хатунцев С.В.* Вспоминая Вадима Цымбурского // *Полис*. 2013. № 3. С. 155–163.
6. *Хатунцев С.В.* Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // *Полис*. 2011. № 2. С. 86–98.
7. *Цымбурский В.Л.* Конъюнктуры Земли и Времени: Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011.

Аннотация. Статья посвящена интеллектуальной биографии В.Л. Цымбурского, написанной политологом Б.В. Межуевым. Межуеву удалось показать основные вехи творчества мыслителя и главные идеи, выявить значение работ Цымбурского. Отдельные положения вызывают дискуссию, но в целом книга состоялась.

Ключевые слова: Б.В. Межуев, В.Л. Цымбурский, «Остров Россия», Великий Лимитроф, геополитика, хронополитика, цивилизация.

Alexei N. Kharin, PhD, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kirov Branch, Human Sciences Department, Associate Professor.

The First Book about the Great Geopolitician.

Abstract. The article is devoted to the intellectual biography V.L. Tsymbursky, written by a political scientist B.V. Mezhuev. In the monograph, Mezhuev succeeded to show basic landmarks of work and the main ideas of the thinker, as well as to determine the value of Tsymbursky's works. Separate positions cause a discussion, but on the whole the book turned out well.

Keywords: B.V. Mezhuev, V.L. Tsymbursky, "the Island of Russia", Great Limitrophe, geopolitics, chronopolitics, civilization.